

Диана Елисеевна Кан родилась в городе Термезе Узбекской ССР. Окончила факультет журналистики Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Высшие литературные курсы. Автор многих поэтических книг, в том числе «Высокая весна», «Подданная российских захоластий», «Междуречье» и др. Лауреат Всероссийской литературной премии «Традиция», Всероссийской премии им. Э. Володина «Имперская культура», дважды лауреат премии журнала «Наш современник» и др. Член Союза писателей России. Живет в Оренбурге.

Диана Кан

ПЕСНЯ ОБЕРЕЖНАЯ

* * *

На дорожку выпили. Закусили пряничком
Бравые хорунжи, юные уряднички.
Рюмки наземь шваркнули.

Песенку возгаркнули.
Стременами звякнули.

Шашками возбрякнули.
Ой ты песня-песенка, свобододлюбивая,
До Урала-батюшки долети, ретивая!
Милым другом петая, Господом хранимая,
И до Волги-матушки долети, родимая.
Вбуйны ветры лентою шелковой вплетенная,
Помнящая Разина, знавшая Буденного,
На просторах родины солнышком разнежена,
Не кончайся, милая песня обережная!

* * *

Ты женщина, а это ветер вольности...

Юрий Кузнецов

Царя всевластно на родном просторе,
Где навсегда сроднились даль и дол,
Ты шлялся, вольный ветер, в чистом поле
И на судьбу нечаянно набрел.
Тебя в подол поймала — вот находка!
Немало вольных ветров на Руси!
Ты поначалу показался кротким
И даже робким, Господи спаси!

Пока белье в Урале полоскала
И шла домой по колкому жнивью,
Заискивал, играя с лентой алой,
Что крепко в косу вплетена мою.
Кружа вокруг немислимые вальсы,
Которые у ветров так в чести,
Внезапно осмелел и попытался
Мою тугую косу расплести.
Я отмахнулась, поправляя локон
Своих строптивых вьющихся волос.
Ты погрустнел и шлялся возле окон,
Дождливо грустных не скрывая слез.
А ведь, бывало, струги и будары
Гонял ты по седой Урал-реке,
В степи до неба раздувал пожары,
А тут вдруг приуныл в печаль-тоске.
Мечтал бродить веками в чистом поле...
Кому дано смирить твой буйный нрав?
Но заблудился в шелковом подоле,
На бабу-дуру волю променяв.

* * *

«Ну что, моя красавица? —
Ты протянул мне розу, —
Все только начинается...»
Похоже на угрозу!
Наверное, устала я
Быть строгой недотрогой,
Как эта роза алая —
Такой же одинокою.
Устала от попутчиков,
В которых не уверена.
От Блока, и от Тютчева,
И даже от Есенина.
Устала грезить будущим,
Казаться всем стервозною,
Быть в чем-то сердце любящем
Кровавою занозою.
Сколь от судьбы ни шастала,
Судьба догнать намерена...
Я розочку шипастую
В руке держу растерянно.

* * *

Со мной никогда ты ни в чем не согласен,
Но пусть нас рассудит полночная тьма.
Ведь мир наш лишь тем безнадежно прекрасен,
Что всяк здесь по-своему сходит с ума.

С тобой никогда я ни в чем не согласна,
Не зря малахольной веками слыву...
Уверь же, уверь меня, сокол мой ясный,
Что все происходит сейчас наяву.
Что в том, что навечно случится сегодня,
О чем соловей залихватски звенит,
Виновна не полночь, лукавая сводня,
Но полдень, победно взлетевший в зенит.

* * *

Кровятся высверки зари
Меж льдистых облаков...
«Люблю тебя!..» — не говори
Мне этих страшных слов.
Уж лучше оставайся нем
И сделай вид, что глух:
Они безжалостны ко всем,
Кто произнес их вслух...
Уж лучше поцелуем я,
Мой милый обормот,
Под пересуды декабря
Тебе закрою рот.
Пускай от зависти ворчит
(И окороту нет!)
Весь добродетельный на вид
Декабрь, старый дед.
Я поцелую — не совру,
Ведь я не из тихонь!
...Пылает на шальном ветру
Наш поцелуй-огонь.

* * *

Двадцать семь километров до финской границы...
Древний Выборг собою весьма недурен.
Мне бы только в него невзначай не влюбиться,
Ведь от веку он не был никем покорен.

Выборг! Ветром, дождем или лучиком солнца,
Хоть намеком меня за собой позови!..
Но свинцовых небес слюдяное оконце
Не сулит (даже вымолвить страшно!) любви.

Городок с ноготок... Городок-неулыба...
Светлый рыцарь с пощады не знавшим мечом.
Имя Выборг звучит, как приказ сделать выбор
Между светом и тьмой, между злом и добром...

Между мной и тобой, что стоят на границе
Двух великих миров двум вселенным под стать...
И стальная прицельная хищная птица
Изготовилась в зябкое небо взлетать.

Мне б утешить тебя, милый Выборг, да нечем!
Все однажды закончится в мире войной...
Но взлетает крылатой ракете навстречу
Та любовь, что отверг ты при встрече со мной.

* * *

Ты твердишь — ты лучший самый!..
Но пока, братуха мой,
«Вышли сала! Здравствуй, мама!»
СМС-ку шлешь домой.
Сколь ни дай тебе — все мало!..
Жить привыкшему во зле
Родина — везде, где сало
И горилка на столе.
На майдане развлекайся,
Сало ешь, горилку пей...
Только после не раскайся,
Покаянных слез не лей.
Эхма, салом по мусалам...
Не ударь, братуха, в грязь:
Продаваться — так недаром,
Це Европа заждалась!
Вряд ли, впрочем, салом встретит
Малость впавшая в ислам —
Не бросая слов на ветер,
Буркнет разве что: «Салам!»
Зря ты ждал моих проклятий...
Что воззрился на меня?
Братья мы, конечно, братья:
Каин с Авелем — родня!

* * *

В парке ветер газету листает...
Изумруды меняя на медь,
Шалых листьев мятежная стая
Порывается в небо взлететь.

Невысокого, право, полета
Золотая жар-птица — листва.
Но и ей тоже в небо охота.
И она, безусловно, права.

Вновь и вновь при дожде-конвоире
Всем земным непогодам назло
Жар-листва, как и все в этом мире,
Порывается встать на крыло.

Шаль моя и окошка фрамуга
В эти грустные светлые дни,
И стихи, и тоска, и разлука
Вспоминают — крылаты они.

* * *

Золотая осень, плачь,
Но смирись с природным чудом —
Коренастый карагач
Не расстался с изумрудом.

Верность лету сохранил.
Не купился зябким златом.
Чем же он тебе не мил?
Знать, не быть ему богатым!

Ты расстроена до слез,
Ведь милей его упорства
Верноподданных берез
Золоченое притворство.

Или преданность осин,
Что купила за медяшки.
Или трепетность рябин,
Что в крови дрожат, бедняжки.

Все склонились пред твоим,
Осень, злато-государством...
Карагач неумолим
Со своим степным бунтарством.

Оренбургский старожил,
Он один из всех не плакал,
Когда голову сложил
Пугачев
Пред смертной плахой.